

УДК 81'42

DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131

СЛОВО-ОБРАЗ «ПАМЯТЬ» В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 1920 ГОДА

И. А. Пушкарева, А. В. Ломакова

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк

Введение. Тема памяти относится к ключевым в культуре и рассматривается в истории, социологии, семантике, филологии и др. областях знания. «Мнемотический код» сохраняет свою значимость на протяжении всего творческого пути М. И. Цветаевой.

Цель – с опорой на анализ лексической структуры поэтического текста рассмотреть семантико-стилистические особенности слова-образа «память» в лирике М. Цветаевой 1920-го года.

Материал и методы. За основу семантико-стилистического анализа принята концепция художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожинной и теория текстовых парадигм Н. С. Болотновой. Обращение не только к языковым, но и к текстовым парадигмам связано с текстоцентризмом современной лингвистики, лингвистическим анализом художественного текста.

Результаты и обсуждение. Смысловые лексические парадигмы представляют собой входящие в лексическую систему текста ассоциативные пары и фрагменты ассоциативных рядов слов и сверхсловных элементов, как уже существующие в языковом сознании читателя, так и сформированные текстом. В процессе анализа стихотворений М. Цветаевой выявлялись смысловые лексические парадигмы, основанные на семной рекуррентности, – изотопические цепочки, актуализированные благодаря такому типу выдвигания, как повтор, и смысловые лексические парадигмы, основанные на семантическом контрасте, на связи-расхождении.

В 1920 г. создано четыре стихотворения со словом-образом «память»: «Доброй ночи чужестранцу в новой келье...», «Психея» («Пунш и полночь...»), «Так из дому, гонимая тоской...», «Как пьют глубокими глотками...» (Отрывок). Они написаны на исходе третьего этапа творчества поэта, предваряют новые черты идиостиля.

В ассоциативно-вербальной сети стихотворений М. Цветаевой 1920-го года слово «память» сопровождается узואльно связанными с ним лексическими репрезентантами «помнить», «позабыть», фразеологизмом «без памяти», реализуется как локатив «в памяти», в разговорной синтаксической структуре «что за память», сопровождается экспрессивно насыщенными в контексте определениями «дурная», «женская», «вся».

Заключение. Контекстуальное наполнение слова-образа «память» вырастает на богатой узואльной основе и раскрывается в стихотворениях М. Цветаевой 1920 г. в соотнесении с темами уходящего старого мира, творчества и любви. Это продолжает намечившиеся в более ранних стихотворениях тенденции, но выражены они более ярко, экспрессивно, глубоко.

Ключевые слова: тема памяти в культуре, идиостиль М. И. Цветаевой, лирика М. И. Цветаевой, коммуникативная стилистика текста, лексическая структура поэтического текста, смысловые лексические парадигмы.

Введение

Тема памяти относится к ключевым в осмыслении аксиосферы. Ей посвящены труды в области истории, социологии, семиотики, филологии и др. Так, А. Эрл и А. Ригни в своей работе «Литература и воспроизводство культурной памяти: Введение» рассматривают способы, с помощью которых общество «запоминает» свое прошлое. Внимание уделяется особым культурным процессам, которые позволяют членам одного культурного сообщества хранить, передавать между поколениями и разделять культурную память. Также культурная память рассматривается как продукт акта запоминания, который находит свое выражение в различных информационных сферах: литературе, живописи, памятниках и т. д., которые объединяют в себе функции создания и хранения памятной информации [1]. М. Гронас в своем исследовании о мнемонике русской литературы обращается к широкому кругу вопросов, связанных с психологическими, социальными, историческими моментами, нашедшими

свое отражение в русской литературе. Особенное внимание уделяется мнемическим свойствам поэзии и их традиционному использованию обществом для хранения информации [2]. Обсуждением «великой темы культуры» занимаются участники научных конференций. Например, 16–17 мая 2019 г. во Вроцлаве состоялась XIV Международная конференция славистов по теме «Память» – в рамках цикла «Великие темы культуры в славянских литературах». Представители оргкомитета конференции Эва Комисарук и Катажина Учкевич в качестве факторов «углубленной рефлексии на тему “присутствия прошлого в настоящем”» называют «мнемонический век», «бум памяти», растущую «одержимость прошлым» и акцентируют внимание на роли темы памяти для литературы: «Памяти нужны личные истории. Личным историям нужна память. Литературе нужны оба» [3].

На протяжении всего творческого пути тема памяти сохраняет значимость для М. И. Цветаевой. Цель статьи – с опорой на анализ лексической

структуры поэтического текста рассмотреть семантико-стилистические особенности слова-образа «память» в лирике М. Цветаевой 1920 г.

Материал и методы

Обратимся к содержащим «мнемотический код» стихотворениям М. И. Цветаевой, которым в 2020 г. исполняется 100 лет. За основу семантико-стилистического анализа примем концепцию художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожинной [4] и теорию текстовых парадигм как регулятивных структур Н. С. Болотновой [5].

Примем за основу интерпретации методику реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста, разработанную в рамках коммуникативной стилистики текста [5, с. 58–61]. Данная методика возникла на границе системно-структурной и функционально-прагматической парадигм в лингвистике. Связь методики реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста с системно-структурной парадигмой знания проявляется в осмыслении речевой системности текста как ассоциативно-вербальной сети, основанной на законах текстовой парадигматики и текстовой синтагматики. Характеристика текстовой синтагматики и текстовой парадигматики учитывает выразительность языковых средств, представляющих разные уровни (хотя признается роль лексического уровня как основного). Связь методики реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста с функционально-прагматической парадигмой лингвистики проявляется в том, что ассоциативно-вербальная сеть текста рассматривается в соотнесенности с авторским замыслом и закономерностями читательского восприятия.

Основа для реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста – выявление смысловых лексических парадигм (СЛП). Теория СЛП возникает как проекция идей структурализма Ф. де Соссюра на текст. Как известно, в соответствии с концепцией Ф. де Соссюра системность языка проявляется в двух типах отношений – ассоциативных (парадигматических) и синтагматических; понятие ассоциативных рядов было введено ученым при характеристике ассоциативных отношений, которые, наряду с синтагматическими, составляют основу системной организации языка [6, с. 155–158]. Члены ассоциативного ряда (группы) в языковой системе связывают «либо общность как по смыслу, так и по форме, или только по форме, или только по смыслу», причем «любой член группы можно рассматривать как своего рода центр созвездия, как точку, где сходятся другие, координируемые с ним члены группы, число которых безгранично» [6, с. 158]; ассоциативные отношения «локализируются в моз-

гу», слова объединяются в «виртуальные», «мнемотические» ряды [6, с. 156].

Текстовая системность так же, как и языковая, проявляется в синтагматических и парадигматических отношениях, особенно значимых на лексическом уровне текста. Причем слова и сверхсловные элементы как часть лексической структуры текста и знаки его смысловой структуры вступают в парадигматические отношения не только с «любимым элементом или множеством элементов, находящихся вне данного текста» [7] и соотнесенных с текстом в сознании читателя, но и во внутритекстовые отношения. Таким образом, СЛП представляют собой входящие в лексическую систему текста ассоциативные пары и фрагменты ассоциативных рядов слов и сверхсловных элементов, как уже существующие в языковом сознании читателя, так и сформированные текстом. «Общность», которая связывает члены ассоциативного ряда слов и сверхсловных элементов в тексте, проявляется в таком феномене текстовой организации, как повтор. Ю. М. Лотман связывает существование и значимость повтора с «признаками упорядоченности» текста, отмечая при этом «повышенные признаки упорядоченности» художественного текста [8, с. 50].

Обращение не только к языковым, но и к текстовым парадигмам связано с текстоцентризмом современной лингвистики, с лингвистическим анализом художественного текста [9–12 и др.]. Согласно определению Н. С. Болотновой, текстовая парадигма – это «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных элементов), объединенных концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и/или внутреннего (лингвистического)» [13, с. 40]. Семантическая основа соотнесенности компонентов лексической парадигмы на основе повтора и контраста соответствует характеристике таких типов связи в лексических полевых структурах, как связь-вхождение и связь-расхождение [14]. «На идентичности сем основано несколько видов связи, обозначаемых нами общим термином „вхождение“: гиперо-гипонимическая, пересечение, синонимическая, градуальная, партитивная [14, с. 34–35]. В основе смысловых лексических парадигм, реализующих связь-вхождение, лежит явление изотопии, впервые в лингвистике текста описанное А. Греймасом (1966). «Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется „семная рекуррентность“, т. е. семный повтор. Другими словами, в разных частях текста (фрагмента текста) повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы, в результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста)» – «изотопическая сеть» (Isotopienetz)» [15,

с. 260]. В процессе анализа стихотворений М. Цветаевой выявлялись СЛП, основанные на семной рекуррентности, – изотопические цепочки, актуализированные благодаря такому типу выдвигания, как повтор, и СЛП, основанные на семантическом контрасте, на связи-расхождении.

Для семантико-стилистического анализа на основе «Словаря поэтического языка М. И. Цветаевой» [16] были отобраны тексты, в которых слово-образ «память» несет значение «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений» [16, с. 86]. В целом слово-образ «память» в указанном значении встречается в 17 стихотворениях – от ранней лирики до 1935 г.

Результаты и обсуждение

Чтобы сформировать представление о динамике употребления слова-образа «память», предварим анализ стихотворений 1920-го года характеристикой трех более ранних стихотворений: «Памятью сердца» (недатированное, 1910–1911), «Радость всех невинных глаз...» (1914), «Когда-нибудь, прелестное создание...» (1919). Каждое из трех стихотворений представляет разные периоды творчества юного поэта.

Стихотворение «Памятью сердца» [17, с. 121–122] относится к самому раннему периоду творчества и входит в первый отданный в печать М. Цветаевой сборник – «Вечерний альбом». Как отмечает А. А. Саакянц, «наивная первозданность, особое обаяние непосредственности подкупили первых читателей „Вечернего альбома“» [17, с. 578]. Согласно характеристике О. Г. Ревзиной, «тематическая составляющая ранних сборников складывается из ситуаций семейного общения, дискурса детства, ранней влюбленности и первой любви, а также литературного дискурса» [18, с. 308]. Память в стихотворении «Памятью сердца» связывается не с интеллектуально-ментальной частью человека, а с эмоциональной сферой (*память сердца*). Образ включен в СЛП со связью пересечения «*память сердца – венок незабудок*» и связан с обращением к портрету дорогого человека (*милый портрет*). Стихотворение окрашено печалью разлуки с ним: семантический контраст «*опечаленная – заживает*» передает состояние лирической героини, уверенной, что боль не проходит. Текст перекликается по настроению и ритму с другим ранним стихотворением – протестным «*Мука и мука*». Концептуальную нагрузку несут контрасты «*днем – вечером*» и «*рассудок – сердце*», которые также перекликаются с образами «*Муки и муки*». Лирическая героиня выбирает жизнь сердца, порыв, даже если чувство окрашено болью и горечью.

Стихотворение «Радость всех невинных глаз...» [17, с. 232–233] представляет следующий этап творчества – «Юношеские стихи» (1913–1916). Как отмечает А. А. Саакянц, «по сравнению с предыдущими – они более „взрослые“ и эмоционально более выразительные», «юношеский эгоцентризм сочетается в них с удивительным прозрением...» [17, с. 578]. Приведем характеристику этого этапа творчества: «За тематической составляющей частично стоит по-прежнему автобиографический дискурс, но меняются его роль и значение. <...> Это уже не однородное тематическое пространство, каждое из стихотворений обретает самоценность, формой связанности выступает цикл. <...> Тематическая составляющая объединена раскрытым и раскрывающимся сознанием «я»-субъекта, ищущего себя в разных обликах, определяющего позицию по отношению к важнейшим категориям человеческого бытия. Смерть, любовь, этическая заповедь, путь – вот те конкретизации, которые получает тематическая составляющая» [18, с. 312].

В стихотворении «Радость всех невинных глаз...» тема памяти изменяет направление смыслового развертывания текста, начавшегося с однозначно положительной эмоциональной окраски (семантический повтор в СЛП «*радость – счастливая – нежная*»). Лирическая героиня – прекрасна (*богиня*). Память становится образом внутреннего груза, который наполняет душу не только счастьем: *Только памятью смутил / Бог – богиню... Смутить – «1. Привести в замешательство, смущение. Смутить кого-н. похвалой. Вы меня смутили своим замечанием. 2. Взволновать, вызвать смятение, волнение в ком-н. Смутить чей-н. покой. 3. Взбунтовать, вызвать волнение, возбуждение, мятеж (устар.)»* [19]. Однако именно память наделяет лирическую героиню полнотой чувствования. Перечень ее воспоминаний открыт: они по принципу анфилады нанизываются с помощью синтаксической анафоры с глаголом *помню*.

В период 1916–1921 гг. написаны пять стихотворений, содержащих слово-образ «память». В это время «огромной творческой потребности, непрерывного преобразования бытия в слово», по словам О. Г. Ревзиной, «тематическая составляющая ветвится на разные типы дискурсов»: «Актуальный событийный мир 1917 г., дискурс поэта, дискурс человеческих взаимоотношений и прежде всего любовно-психологический дискурс – разные поля психологической составляющей» [18, с. 314]. Для этого периода характерны повышение роли интертекстуальности, «поэтика семантического признака», «художественно-поэтическое многоголосье» [18, с. 315–317].

Стихотворение «Когда-нибудь, прелестное создание...» (1919) [17, с. 495] отделено от рассмот-

ренных ранее важными событиями в личной жизни М. Цветаевой и в жизни страны. Это одно из многих стихотворений, посвященных Ариадне, родившейся в 1912 г. Образ дочери связан с выбором ее имени: «Назвала от романтизма и высокомерия, которые руководят всей моей жизнью...» [17, с. 597]. Память в стихотворении связывается с ключевым образом лирики – образом глаз как отражения духовного мира: *Там, в памяти твоей голубокой...* Потаенность и глубина пространства памяти подчеркиваются местоименным наречием *там*. Воспоминание может хранить человека во всей полноте его личности: *Я стану для тебя воспоминаньем*. Тема памяти создает интересное совмещение временных планов: лирическая героиня из настоящего предсказывает (выход в будущее) сначала сохранение, а затем потерю связи с прошлым. Четыре строфы из шести посвящены именно предсказанию забвения: *Забудешь ты...* (семантический контраст *память – забудешь*). Однако сила и яркость образов, раскрывающих содержание обреченного на забвение, создают эффект утверждения невозможности забыть (подобный композиционный ход мы встречаем, например, и в стихотворении С. А. Есенина «Я помню, любимая, помню...»).

В 1920-м году создано четыре стихотворения со словом-образом «память»: «Доброй ночи чужестранцу в новой келье...», «Психея» («Пунш и полночь...»), «Так из дому, гонимая тоской...», «Как пьют глубокими глотками...» (Отрывок). Они написаны на исходе третьего этапа творчества поэта, предваряют новые черты идиостиля. Слово-образ «память» связано с основными темами творчества М. Цветаевой – исчезнувшего старого мира, творчества, любви.

В стихотворении «Доброй ночи чужестранцу в новой келье...» [17, с. 508] нежное послание лирической героини создает образ русского человека, обреченного на эмиграцию событиями Октябрьской революции. Этот человек – часть мира счастливой жизни (*старый мир*) как и лирическая героиня (в субъектной организации использованы инклюзивные формы, в последней строчке кореферентный ряд дополняется номинацией *soced*). Этот мир безвозвратно потерян, что передает антонимическая СЛП «*были – нет*». Память – сокровищница откликов на счастливые моменты жизни: *В памяти балет розовой взматается метелью*. Балет – образ прекрасного и высокого, которое представлено в тексте двумя типами СЛП. С одной стороны, это эмоционально-оценочные характеристики старого мира в СЛП «*вольное – высокое*». С другой стороны, парадигмы конкретных имен существительных, детализирующих образ старого мира и являющихся знаками той безвозвратно потерянной счастливой жизни – «*гербы – эполеты*» (тема дво-

рянства), «*камердинер – плед – пуниш*» (ситуативные ассоциации, тема уюта), «*пуниш – балет*» (ситуативные ассоциации, тема эмоциональной насыщенности, творческого напряжения). Выход к темам эмоциональной насыщенности и творческого напряжения усиливается благодаря повтору образа пунша в стихотворении «Психея», также написанном в начале марта 1920 г.

Метафора, передающая появление в пространстве памяти образа балета, основана на уподоблении танца (и воспоминаний о нем) метели розовых лепестков. Это уподобление не только создает наглядную художественно-образную речевую конкретизацию, но и соотносится с темой исчезающей красоты (облетающие розы).

В стихотворении «Психея» («Пунш и полночь...») [17, с. 508–509] слово *память* связано с образом Психеи и вводится с частицей в конструкции с прямой речью, соответствующей законам разговорного стиля:

«*Что за память!*

Позабыла опахало!

Опоздаю... В первой паре Полонеза...»

Слово *опахало* входит в СЛП конкретных существительных, создающих образ светской красавицы: «*бальные башмачки – опахало – каждый перл на шейке плавной – перчатка – платье бальное*». Динамичный образ Психеи создается антонимической СЛП «*выторхнула – впорхнула*» (вспомним, что однокоренное слово – глагол мгновенно-произвольного действия *порх* – используется для передачи действия души, покидающей тело, в стихотворении из цикла «Стол»). Легкость, неуловимость, миражность Психеи подчеркнуты сравнениями: «*как призрак – птицей – бабочкой ночной – как пери – пируэтом – привиденьем*», что усиливается в соотношении со временем действия – *полночью*. Тему бала формирует СЛП «*бальные башмачки – хриплые половицы – первая пара полонеза – платья бального пустая пена*».

Референтной основой образа является биографический факт. В комментариях А. А. Саакянц используется однозначная формулировка: «В стихотворении говорится о жене А. С. Пушкина Наталье Николаевне» [17, с. 615]. Там же приводится воспоминание современника: «Заставать ее по вечерам и думать нечего, ее забрасывают приглашениями то на бал, то на раут. Там от нее все в восторге, и прозвали ее Психеєю». Тема любовного, нежного отношения поэта к супруге передана рядом вербальных знаков: перецелованные пальчики Психеи и каждая жемчужинка ее бус, целование руки (*пылкий поцелуй арана*), бережные проводы (*лапки в плед... укутал, волчью полость сам запахивает*).

Безусловно, есть и другая составляющая образа, связанная с когнитивными ассоциациями: Пси-

хея – душа, возлюбленная Амура. Полуночный приход Психеи к Пушкину ассоциируется и с приходом музыки к поэту. Эти ассоциации усиливает принцип кольца в композиции. Наряду с повторяющимся компонентом «Пунш и полночь», в начале и конце текста есть вариативные составляющие, сопоставление которых позволяет говорить о динамике творческого состояния: от прихода музыки, вдохновения к поэту – до возвращения к реальности. Появление музыки мимолетно и окрашено мистикой: она как призрак, как привидение. Она не отражается в зеркале:

*Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...*

В мерцании смыслов проводы поэтом возлюбленной становятся проводами музыки, после которых он остается одиноким и опустошенным. Динамику состояния ярко передает антонимический ряд, соотносящий начало и конец текста (*трубка пышущая – пепла ниспадение*), экспрессивность которого усилена необычной сочетаемостью: конкретное существительное *пепел* оказывается рядом с абстрактным отглагольным, старославянским по происхождению, соотносимым с темой спада, конца. Психея не часть человеческого мира – она не отражается в зеркале, но она может вспорхнуть к поэту в мистическое время полуночи. И таким образом влюбленный и поэт могут приобщиться к иномирному чуду.

Стихотворение «Так из дому, гонимая тоской...» входит в цикл, посвященный художнику Николаю Николаевичу Вышеславцеву [20]. В стихотворении, где экспрессивно передана тема любви, дважды встречается слово *память*, трижды закликательное «не помнить», один раз «забыть». Слово *память* появляется в первой строфе – как характеристика движущей силы, вырывающей лирическую героиню из дома на улицы Москвы времен Гражданской войны:

*Так из дому, гонимая тоской,
– Тобой! – всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью – позабыть! – Как вал морской,
Ношушь вдоль всех штыков, мешков и граждан.*

При сопоставлении пространства внешнего (СЛП на основе референтных ассоциаций «штыки – мешки – граждане») и внутреннего мы осознаем силу, накал чувств прежде всего благодаря яркому сравнению, повторяющемуся в стихотворениях М. Цветаевой, – *как вал морской* (ср.: *Не валом ли быть / Девятым, что с палубы сносит?* («Ариадна», 1923)). В ряду словоформ со значением «творительного инструментального» или «тво-

рительного субъекта» сталкиваются кореферентные «*тоской – тобой*», контрастно соотношенные и передающие драматизм состояния в СЛП «(1) *всей женской памятью* – (2) *всей жаждой* – (3) *всей страстью – позабыть*». Между контрастными образами, воплощающими сложное начало чувства безответной любви, где сочетаются (1) трепетное отношение к каждой мелочи истории общения с любимым, жадное собирание всех деталей встреч, с одной стороны, и (3) гордое желание освободиться, с другой, находится (2) метафорическое слово-образ *жажда*, которое грамматически можно отнести как к любовному стремлению, так и к мучительному старанию забыть. Бремя памяти и напрасное тщание освободиться связаны со вторым появлением слова-образа *память*, ближе к концу текста:

*Чтоб по людскому цирковому кругу
Дурную память загонять в конец, –
Чтоб только не очнуться, наконец!*

Дурная память – это память любящей женщины, которая наполняет ее счастьем любить и болью от безответности чувства. Но освобождение от нее, как показывает исход текста, невозможно:

*Кружить, кружить, кружить до самой тьмы –
Чтоб, наконец, у своего порога
Остановиться, дух перевода...
– И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя!*

Тема любви развивается и в стихотворении «Как пьют глубокими глотками...» (Отрывок) [17, с. 529–530]. Любовь наполняет пространство памяти лирической героини. Потребность погрузиться в это пространство сильна, как жажда (лейтмотив, сопровождающий тему любви в лирике М. Цветаевой). Мотив воплощается в СЛП со связью пересечения, соотносящей 2 строфы, – *любуюсь – глотаю* (ср.: *Так вглатываются в глоток: / Вглубь – до потери чувства!* – в более позднем «Так вслушиваются»). Погружение в свой внутренний мир (в «за оком лежащую...явь») передается с помощью языковой игры, в которую включен фразеологизм, органично воплощающий безмерность лирической героини:

*Так – в памяти – глаза закрыв,
Без памяти – любуюсь Вами!*

В пространстве памяти образ дорогого человека наполнен яркими чертами (*наречье галльское*) и связан с актуализацией темы жадного вслушивания в его слова (хиазм *за глотком глоток – за слогом слог*). Н. Н. Вышеславцев действительно учился в Париже и знал французский язык [21].

Заключение

Итак, анализ лексической структуры поэтического текста позволяет рассмотреть семантико-стилистические особенности слова-образа «память» в лирике М. Цветаевой 1920 г.

В 1920 г. создано четыре стихотворения со словом-образом «память»: «Доброй ночи чужестранцу в новой келье...», «Психея» («Пунш и полночь...»), «Так из дому, гонимая тоской...», «Как пьют глубокими глотками...» (Отрывок). Они написаны на исходе третьего этапа творчества поэта, предваряют новые черты идиостиля.

В ассоциативно-вербальной сети стихотворений М. Цветаевой 1920-го года слово «память» сопровождается узуально связанными с ним лексическими репрезентантами «помнить», «позабыть»,

фразеологизмом «без памяти», реализуется как локатив «в памяти», в разговорной синтаксической структуре «что за память», сопровождается экспрессивно насыщенными в контексте определениями «дурная», «женская», «вся». Контекстуальное наполнение слова-образа вырастает на богатой узуальной основе и раскрывается в соотношении с темами уходящего старого мира, творчества и любви. Это продолжает наметившиеся в более ранних стихотворениях тенденции, но выражены они более ярко, экспрессивно, глубоко.

Список литературы

1. Erll A., Rigney A. Literature and the production of cultural memory: Introduction // *European Journal of English Studies*. 2006. Vol. 10, issue 2. P. 111–115. DOI: 10.1080/13825570600753394
2. Gronas M. Cognitive poetics and cultural memory: Russian literary mnemonics. Routledge, 2011. 188 p. DOI: 10.4324/9780203842430
3. XIV Международная конференция славистов в рамках цикла «Великие темы культуры в славянских литературах» (16–17 мая 2019 г., г. Вроцлав, Польша) (заголовок с экрана). Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. URL: <http://uapryal.com.ua/xiv-mezhdunarodnaya-konferentsiya-slavistov-v-ramkah-tsikla-velikie-temyi-kulturyi-v-slavyanskikh-literaturah-%16-17-maya-2019-g-g-vrotslav-polsha/> (дата обращения: 7.12.2019).
4. Кожина М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация // *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2002. С. 585–594.
5. Болотнова Н. С. Текстовые лексические парадигмы // *Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус*. Томск, 2008. С. 262–264.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Труды по языкознанию*. М., 1977. С. 31–273.
7. Лескис Г. А. Синтагматика и парадигматика художественного текста // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1982. Т. 41, № 5. С. 430–442.
8. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. 848 с.
9. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосемантического анализа. Красноярск, 1983. 160 с.
10. Купина Н. А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста // *Структура и семантика текста*. Воронеж, 1988. С. 5–13.
11. Хомаев В. И. Иерархия ассоциативных рядов слов в художественном тексте малого жанра // *Структура и семантика текста*. Воронеж, 1988. С. 37–46.
12. Толстых Л. И. Смысловые парадигмы в художественном тексте и их лексическое выражение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 16 с.
13. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1990. 198 с.
15. Филиппов К. В. Лингвистика текста: курс лекций. СПб., 2003. 336 с.
16. Ревзина О. Г., Белякова И. Ю., Оловяникова И. П. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М., 2000. Т. III. Кн. 2.
17. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1: Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994. 640 с.
18. Ревзина О. Г. Марина Цветаева // *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей*. М., 1995. С. 305–362.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=71597> (дата обращения: 14.12.2019).
20. Солнцева Н. М. Реальность мифа (К истории отношений М. И. Цветаевой и Н. Н. Вышеславцева). URL: <http://stefanos.philol.msu.ru/index.php?page=854> (дата обращения: 7.12.2019).
21. Шерстнев В. Л. К вопросу об атрибуции рисунков художника Н. Н. Вышеславцева из коллекции Козьмодемьянской картинной галереи. URL: <http://www.kmkmuzey.ru/2014-05-21-06-40-56/articles/719-vysheslavcevnn> (дата обращения: 7.12.2019).

Пушкарёва Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Россия, 654041).
E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru;

Ломакова Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Россия, 654041). E-mail: anna_lomakova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.02.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131

THE WORD-IMAGE “MEMORY” IN M. I. TSVETAeva’S LYRIC POETRY OF 1920

I. A. Pushkareva, A. V. Lomakova

Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation

Introduction. The theme of Memory is a key one in culture and thus it is studied in history, sociology, semiotics, philology and other domains. The “Mnemonic Code” retains its significance throughout the entire career of M. I. Tsvetaeva as a poet.

Material and methods. The aim of the article is to study semantic and stylistic features of the word-image “Memory” in M. Tsvetaeva’s lyrics of 1920 through the analysis of the lexical structure of the corresponding poetic text.

The semantic-stylistic analysis is based on the theories of the imaginative speech substantiation by M. N. Kozhina and of the text paradigms by N. S. Bolotnova. Referring to both linguistic and textual paradigms goes within the text-centric approach in modern linguistics and the linguistic analysis of the literary text itself.

Results and discussion. Semantic lexical paradigms present associative pairs and fragments of associative series of words and superword units within the lexical system of the text, already existing in the linguistic consciousness of the reader on the one hand and formed by the text on the other hand. Analysis of M. Tsvetaeva’s poems revealed semantic lexical paradigms based on semic recurrence, isotopic chains actualized due to such type of foregrounding as repetition, and semantic lexical paradigms based on semantic contrast.

In 1920 M. Tsvetaeva wrote 4 poems containing the word-image “Memory”: “Good Night to a Stranger in a New Cell...”, “Psyche” (“Punch and Midnight ...”), “Running from Home...”, “How They Drink in Long Drinks...” (Excerpt). They are written at the end of the third period of the poet’s creative work, they precede the new features of her idio-style. The word-image “Memory” is associated with the main themes of M. Tsvetaeva’s works – the lost world, creativity, love.

In the verbal associative network of M. Tsvetaeva’s poems of 1920, the word “memory” is accompanied by the usual lexical representatives “remember”, “forget”, phraseological unit meaning “without memory”. It actualizes in the locative “in memory”, in the spoken syntactic structure “what a memory” and it is accompanied by the epithets and descriptive adjectives as “bad”, “female”, “all”.

Conclusion. The contextual meaning of the word-image “Memory” is based on a rich usual background and is explained in M. Tsvetaeva’s lyrics of 1920 through the themes of the vanishing old world, creativity and love. This further develops the trends outlined in the earlier poems, but they are expressed more clearly, expressively and deeply.

Keywords: *cultural memory, M. I. Tsvetaeva’s idiosyle, M. I. Tsvetaeva’s lyric poetry, communicative stylistics, lexical structure of the poetic text, semantic lexical paradigms.*

References

1. Erll A., Rigney A. Literature and the production of cultural memory: Introduction. *European Journal of English Studies*, 2006, vol. 10, issue 2, pp.111–115. DOI: 10.1080/13825570600753394
2. Gronas M. *Cognitive poetics and cultural memory: Russian literary mnemonics*. Routledge, 2011. 188 p. DOI: 10.4324/9780203842430
3. *XIV Mezhdunarodnaya konferentsiya slavistov v ramkah tsikla «Velikiye temy kul'tury v slavyanskikh literaturakh»* (16–17 maya 2019 g., g. Vroclav, Pol'sha) (zagolovok s ekrana). Ukrainskaya assotsiatsiya prepodavateley russkogo yazyka i literatury [XIV International Conference of the Slavists within the Cycle of Studies “Great Cultural Themes in the Slavic Literatures” (May 16–17, 2019, Wrocław, Poland) (title from the screen). Ukrainian Association of Teachers of Russian Language and Literature] (in Russian). URL: <http://uapryal.com.ua/xiv-mezhdunarodnaya-konferentsiya-slavistov-v-ramkah-tsikla-velikie-temyi-kulturyi-v-slavyanskikh-literaturah-%16-17-maya-2019-g-g-vroslav-polsha/> (accessed 7 December 2019).
4. Kozhina M. N. Khudozhestvenno-obraznaya rechevaya konkretizatsiya [Imaginative Speech Substantiation]. In: Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary on Stylistics. J. Moscow, 2002. Pp. 585–594 (in Russian).
5. Bolotnova N. S. Tekstovye leksicheskiye paradigmy [Lexical Paradigms in Text]. In: Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative Stylistics: Thesaurus]. Tomsk, 2008. Pp. 262–264 (in Russian).
6. Sossyur F. Kurs obshchey lingvistiki [The Course in General Linguistics]. In: F. de Sossyur. *Trudy po yazykoznaniyu* [Course in General Linguistics]. Moscow, 1977. Pp. 31–273 (in Russian).
7. Lesskis G. A. Sintagmatika i paradigmatica khudozhestvennogo teksta [Syntagmatic and Paradigmatic Relations in the Literary Text]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.*, 1982, vol. 41, no. 5, pp. 430–442 (in Russian).

8. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii* [On Poets and Poetry]. Saint Peterburg, 1996. 848 p. (in Russian).
9. Kupina N. A. *Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvosmyslovogo analiza* [The Idea of the Literary Text and Aspects of the Semantic Analysis]. Krasnoyarsk, 1983. 160 p. (in Russian).
10. Kupina N. A. Model' tselostnogo lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta [The Model of the Holistic Linguistic Analysis of the Literary Text]. *Struktura i semantika teksta* [Text Structure and Semantics]. Voronezh, 1988. Pp. 5–13 (in Russian).
11. Khovayev V. I. Ierarkhiya assotsiativnykh ryadov slov v khudozhestvennom tekste malogo zhanra [Hierarchy of the Associative Series of Words in the Small Genres of Literature]. *Struktura i semantika teksta* [Text Structure and Semantics]. Voronezh, 1988. Pp. 37–46 (in Russian).
12. Tolstykh L. I. *Smyslovye paradigmy v khudozhestvennom tekste i ikh leksicheskoye vyrazheniye. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Semantic lexical paradigms in the literary text. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1988. 16 p. (in Russian).
13. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical Structure of the Literary Text in Comparative Aspect]. Tomsk, 1994. 212 p. (in Russian).
14. Popova Z. D., Sternin I. A. *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field Structures in Language]. Voronezh, 1990. 198 p. (in Russian).
15. Filippov K. V. *Lingvistika teksta: kurs lektsiy* [Linguistics of the text: lecture course]. Saint Petersburg, 2003. 336 p. (in Russian).
16. Revzina O. G., Belyakova I. Yu., Olovyannikova I. P. *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetayevoy: v 4 t. T. III. Kniga 2* [Marina Tsvetaeva's Poetic Language Dictionary: in 4 volumes. Vol. III. Book 2]. Moscow, 2000. (in Russian).
17. Tsvetayeva M. I. *Sobraniye sochineniy v 7 t. T. 1: Stikhotvoreniya* [Collection of Works in 7 volumes. Vol. 1: Poems]. Compiled, prepared text and comments by A. Saakyants and L. Mnukhin. Moscow, 1994. 640 p. (in Russian).
18. Revzina O. G. Marina Tsvetayeva [Marina Tsvetaeva]. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiosstiley* [Notes on the History of the Russian Poetry Language of the XX Century. Experience of Idiostyle Description]. Moscow, 1995. Pp. 305–362 (in Russian).
19. Ushakov D. N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 volumes] (in Russian). URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=71597> (accessed 14 December 2019).
20. Solntseva N. M. *Real'nost' mifa (K istorii otnosheniy M. I. Tsvetayevoy i N. N. Vysheslavtseva)* [Myth Reality (To the Relationship History of M. I. Tsvetaeva and N. N. Vysheslavtsev)] (in Russian). URL: <http://stefanos.philol.msu.ru/index.php?page=854> (accessed 7 December 2019).
21. Sherstnev V. L. *K voprosu ob atributsii risunkov khudozhnika N. N. Vysheslavtseva iz kolleksii Koz'modem'yanskoy kartinnoy galerei* [To the Problem of the Attribution of N. N. Vysheslavtsev's Drawings from the Collection of the Kosmodemyanskaya Picture Gallery] (in Russian). URL: <http://www.kmkmuzey.ru/2014-05-21-06-40-56/articles/719-vysheslavcevnn> (accessed 7 December 2019).

Pushkareva I. A., Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (ul. Tsiolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041). E-mail: Irina_Pushkareva2016@mail.ru.

Lomakova A. V., Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (ul. Tsiolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041). E-mail: anna_lomakova@mail.ru.